

Талантливый имиджмейкер Рената Литвинова.

Независимая. — 2004. Фото Артема Чернова (НГ-фото)

Богиня: как я ее погубила

23 сент. — с. 6

Режиссерский дебют Ренаты Литвиновой стал самым крупным ее бенефисом

Екатерина Барабаш

Если скрипач берет в руки дирижерскую палочку, то, как правило, либо со смычком у него отношения перестали складываться, либо амбиции разыгрались. Любимой полиглот вряд ли с одинаковым успехом знает все имеющиеся в его арсенале, скажем, пятнадцать языков. Бывшие научные сотрудники, как правило, лучше занимались наукой, нежели торгуют сейчас на рынках. Даже кухонный комбайн обычно выполняет хорошо одну из своих многочисленных функций, а мобильный телефон куда лучше поддерживает голосовую связь, нежели фотографирует. Но что поделаешь — век универсализма.

В фильме «Богиня: как я полюбила» Рената Литвинова выступила сразу в четырех ипостасях: продюсер, сценарист, исполнитель главной роли и режиссер. Фильм — о провинциальной одиночке следовательше Фаине, которая по ночам крепко попивает, а днем расследует преступления. Вопреки всяческим уверениям авторов фильма и составителей пресс-релиза, следовательше Фаине, которая по ночам крепко попивает, а днем расследует преступления. Вопреки всяческим уверениям авторов фильма и составителей пресс-релиза, следовательше Фаине, которая по ночам крепко попивает, а днем расследует преступления. Вопреки всяческим уверениям авторов фильма и составителей пресс-релиза, следовательше Фаине, которая по ночам крепко попивает, а днем расследует преступления.

настойчиво приглашает дочь к себе на тот свет, потом по ходу дела Фаина знакомится со странным профессором (Максим Суханов) и после долгих и не всегда понятных коллизий превращается, по сути, в Орфея, спускающегося в ад. Там, в аду, который представляет из себя высушенный мертвый лес с мухоморами, она встречает массу людей (бывших людей), которые по очереди раздражаются долгими тирадами по поводу своей земной любви. Кажется, так. При известном напряжении мозгов и воображения можно догадаться, что одинокая и не любящая никого девушка приходит к самоубийству потому именно, что никого не любит. Наверное. Впро-

виновой все в порядке. Болтают в фильме все очень много, настолько много, что под словесными наслоениями моментами безвозвратно гибнет смысловая часть этих наслоений. При этом у режиссера бесконечно чешется язык сказать что-то важное о смысле жизни, но, фатально увлеченная самой собой (об этом отдельно), она не может довести до конца ни одну из предполагаемых здравых мыслей. Периодически на языке персонажей вертятся симпатичные остроумные диалоги, выписывать которые Литвинова в принципе умеет, но все застопоривается на уровне одной, максимум двух удачных фраз. А что касается своего и чужого языка...

Литвинова буквально слизывает фирменные муратовские режиссерские ходы, вылетает типичных муратовских персонажей, заставляет актеров следовать художественному языку, почерпнутому у Муратовой. «Мне не смешно, когда маляр негодный мне пачкает «Мадонну» Рафаэля...» Так же, как неумелая копия шедевра кажется насмешкой, так и слепое следование чужому языку видится пародией. Если нет внутренних ресурсов придумать что-то свое — не надо. В искусстве, конечно, без амбиций нельзя, да только амбиция не есть синоним амбициозности.

Вот уж чего в достатке в «Богине», так это амбициозности. Литвинова, взявшись за режиссуру и за продюсерство, словно дорвалась до вождельной цели — сделать фильм, где будет она, только она и еще раз она. Присутствие остальных персонажей (кроме, пожалуй, профессора, героя Суханова) сведено почти к нулю. По сценарию была приличная роль у Сухорукова, от которой в результате осталось несколько эпизодов; «приволье» персонаж Константина Хабенского, появившегося в крохотном, ничего не дающем ни сюжету, ни основной идее картины эпизоде. Зато крупные, полукрупные, не очень крупные планы Ренаты Литвиновой заполняют фильм настолько, что людям с проблемной нервной системой ее лицо может еще сниться какое-то время.

Умение создавать собственный имидж — большой талант. Умение вовремя остановиться — для этого нужен талант не меньше.

Умение вовремя остановиться — большой талант.

У Литвиновой этого таланта нет

чем, внятный сюжет в последнее время перестал быть неотъемлемой частью нашего кинематографа. Другое дело, что можно и без него, — но тогда стоило бы как минимум не заикливаться на его отсутствии и не пытаться выстроить фильм исключительно на собственном художественном языке.

Языком можно болтать, язык может чесаться, на языке может что-то вертеться, язык может быть свой и чужой. Со всем, что касается языка, у Лит-

Единственный, кто умеет из Литвиновой сделать актрису, — это Кира Муратова. Только в ее картинах Литвинова органична и моментами даже небесталанна как актриса. Поэтому отчасти можно понять, почему необычная эстетика Муратовой Литвиновой близка. Но это вряд ли повод пытаться механически перенести чужой художественный язык в свой собственный фильм. Вся, так сказать, бытовая часть «Богини», не связанная с жанром фэнтези, — слепок с Муратовой.